

СОЦИОЛОГИЯ SOCIOLOGY

Научная статья

УДК 316.356.2

DOI 10.18101/2949-1657-2026-1-3-12

Социологические интерпретации детства: от объекта к агентности

© **Винокурова Анна Викторовна**

кандидат социологических наук, доцент

vinokurova.av@dvfu.ru

© **Костина Елена Юрьевна**

кандидат социологических наук, доцент

kostina.eyu@dvfu.ru

Дальневосточный федеральный университет

Россия, 690922, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, 10, кампус ДВФУ

Аннотация. В статье представлен обзор ключевых теоретико-методологических подходов к изучению детства. Анализируются интерпретации детства в рамках структурного функционализма, символического интеракционизма и культурной антропологии, где детство осмысляется как этап социализации, интерактивная практика и культурно-вариативный опыт. Особое внимание уделено вкладу структурализма и постструктурализма, рассматривающих детство как пространство власти, дисциплины и воспроизводства социального неравенства. Показано, что в новой социологии детства оно трактуется как самостоятельный социальный мир, а дети — как социальные акторы, наделенные агентностью. Также рассмотрен пространственный поворот, в рамках которого детство интерпретируется как социально и территориально организованная практика, укорененная в конкретных инфраструктурных и символических конфигурациях. Делается вывод о необходимости комплексного анализа детства как социального феномена, позволяющего выявлять структурные факторы, определяющие условия жизни и благополучие подрастающего поколения.

Ключевые слова: детство, социология детства, социализация, социальное пространство, социальное неравенство, детская агентность, социальные миры детства.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования ДВФУ FZNS-2023-0032 «Социальное пространство благополучия детства: комплексный анализ»

Для цитирования

Винокурова А. В., Костина Е. Ю. Социологические интерпретации детства: от объекта к агентности // Восточный вектор: история, общество, государство. 2026. Вып. 1. С. 3–12.

Введение

В последние десятилетия интерес к исследованию детства как социального феномена заметно усиливается в связи с глубокими общественными трансформациями, затрагивающими институты семьи и образования, формы участия детей в публичной жизни, а также условия их повседневной мобильности и доступа к инфраструктуре и другим ресурсам. Детство все отчетливее проявляется как социально неоднородное и исторически изменчивое явление, определяемое культурой, экономической и политической составляющими, пространственной организацией среды.

Одновременно с указанными процессами расширяется и исследовательская повестка. В научном дискурсе происходит «перенастройка оптики», внимание ученых постепенно смещается от нормативных моделей социализации к анализу детской агентности, детских социальных миров, детского неравенства и пространственных ограничений. В данном ключе актуализируется проблема уточнения понятийного аппарата, позволяющего сопоставлять различные исследовательские традиции и выявлять их эвристический потенциал. Опираясь на данный тезис, в настоящей статье нами предпринята попытка систематизации ключевых зарубежных подходов к изучению детства и реконструкции логики их развития — от классических социологических теорий к современным научным парадигмам, включая новую социологию детства и пространственный поворот, что создает основу для дальнейших эмпирических исследований и интерпретации детского опыта в конкретном социально-пространственном контексте.

Ребенок как объект институционального воздействия: теоретическое осмысление детства в классической социологии

В социологической науке категория детства и связанные с ней терминологические обозначения начали разрабатываться в конце XIX в. Э. Дюркгеймом. В его интерпретации детство понимается прежде всего как критически важный этап социализации, необходимый для формирования человека как полноценного члена общества. Ребенок рассматривается не как автономный субъект, а как индивид, требующий целенаправленного воздействия со стороны социума. Так, отмечается, что «ребенок нуждается в социальном формировании, так как сам по себе не обладает необходимыми для жизни в обществе нормами и установками» [4].

В трактовке Э. Дюркгейма детство — это период интенсивной работы социальных институтов, прежде всего семьи и образования, которые выполняют функцию трансляции ценностей коллективного сознания. Ребенок здесь выступает как объект воздействия, а не как активный создатель социальных смыслов, его основная задача состоит в том, чтобы усвоить нормы, обеспечивающие воспроизводство социальной солидарности.

В целом Э. Дюркгейм сформировал классическую социологическую модель детства как нормативного, институционально управляемого процесса, направленного на воспроизводство социальной системы. Детство у него выступает не как социальный мир, а как период формирования личности под влиянием коллектива, где социальное превалирует над индивидуальным.

Данная трактовка детства как периода социализации, подчиненного коллективным нормам, получила свое дальнейшее развитие в работах Т. Парсонса. Им вводится концепция ролевой системы и институциональных инструментов ус-

воения культурных образцов. У Т. Парсонса детство занимает одно из центральных мест в механизме воспроизводства социальной системы. В рамках его структурно-функциональной теории ребенок рассматривается как субъект, чье развитие обеспечивается посредством института семьи, выполняющего ключевые функции социализации. При этом подчеркивается, что ребенок изначально не обладает необходимыми для участия в общественной жизни ориентациями и должен постепенно усвоить ценности и нормы, задаваемые культурной системой [9].

Можно сказать, что детство с позиций структурного функционализма в интерпретации Т. Парсонса понимается как необходимый этап формирования социального актора. Ключевым условием успешной социализации является устойчивость семейных ролей, а также четкая передача культурных образцов, что обеспечивает стабильность и воспроизводство социальной системы.

В целом функционалистские концепции конца XIX — первой половины XX в. рассматривали детство как этап формирования личности, ориентированной на выполнение институционально закрепленных ролей, а ребенок выступал в качестве объекта социализации, воспроизводящего общественный порядок.

«Свой» мир в мире «других»: детство в концепции символического интеракционизма

В дальнейшем (1930–1960-е гг.) наблюдается поворот от макросоциологии к микросоциологии, и внимание исследователей смещается от структур и институтов к повседневным взаимодействиям. В данном ключе детство начинает рассматриваться не только как этап усвоения готовых норм, но и как пространство активного участия ребенка в интеракции и конструировании значений.

Так, Дж. Г. Мид формулирует идею о том, что «Я» ребенка формируется в процессе социального взаимодействия через механизмы подражания. И здесь детство — это период, когда ребенок осваивает ролевое принятие (*role-taking*) сначала в форме игры (*play*), где он поочередно примеряет роли отдельных «значимых других», например родителя, учителя и т. п.; а затем в форме игры по правилам (*game*), где нужно учитывать позиции множества участников и ожидания «обобщенного другого» (*generalized other*) [6]. Именно через эти формы деятельности ребенок учится видеть себя глазами других, соотносить собственные действия с коллективными ожиданиями и тем самым становится полноправным участником социального взаимодействия.

В дальнейшем эти идеи получили развитие в работах Г. Блумера, где формулируются основные постулаты символического интеракционизма: люди действуют в отношении объектов на основе значений, которые эти объекты для них имеют; значения возникают в процессе социального взаимодействия; значения модифицируются через интерпретацию в ходе взаимодействия [2].

Данный подход через призму детства можно трактовать следующим образом: ребенок действует не как носитель заранее заданных норм, а как участник интеракций, в которых он учится приписывать значения людям, вещам, ролям и ситуациям.

Таким образом, исследовательский фокус переносится с институтов и норм на процессы, в которых дети и взрослые постоянно конструируют и реконструируют социальные значения. Впервые в социологической теории четко артикулируется идея о ребенке как агенте взаимодействия, пусть еще не как носителе собст-

венного «социального мира» в полном смысле (как это будет представлено в новой социологии детства конца XX в.), но уже как активном участнике, который интерпретирует, примеряет и модифицирует предлагаемые ему социальные роли и смыслы.

Детство в антропологической перспективе

Следующее направление получило свое развитие примерно в тот же период, что и микросоциология, — в 1930–1960-е гг., во многом благодаря работам М. Мид, Р. Бенедикт и других представителей школы культурной антропологии. Именно в этой научной традиции впервые демонстрируется, что детство не является единообразным биологическим состоянием, общим для всех человеческих обществ, а зависит от социальных практик, мировоззрения, экономического уклада и культуры конкретного сообщества.

В своей работе «Взросление на Самоа» (1928) М. Мид показала, что подростковый возраст и связанные с ним конфликты, эмоциональные кризисы и напряжение не являются универсальными. На Самоа взросление протекает более спокойно, без характерных для западных обществ эмоциональных «бурь и натиска». Это позволило М. Мид сделать вывод о том, что детство и подростковость — это не биологически заданные этапы развития, а культурные конструкции, определяемые нормами общества [7].

В дальнейшем в своей работе «Как растут на Новой Гвинее» (1930) М. Мид углубляет этот анализ, показывая, что дети разных культур включены в различные модели трудовой, семейной и общинной жизни. Показано, что ценности, эмоциональные ожидания, модели родительства и виды социального поведения формируются не внутри универсальных возрастных стадий, а внутри культурных паттернов, передаваемых через воспитание и повседневные практики [8].

Идеи М. Мид получили последующее развитие в трудах Р. Бенедикт. В первую очередь здесь следует отметить ее работу «Модели культуры» (1934), где она рассматривает культуру как целостную систему норм и ценностей, определяющих способы воспитания детей, ожидания от их поведения и модели их включенности в социальную жизнь. Р. Бенедикт утверждала, что «дети воспроизводят не универсальные стадии развития, а культурные стилевые формы» [1].

В целом работы культурных антропологов наглядно демонстрируют, что детство не является фиксированной биологической стадией, а выступает в качестве культурно организованного пространства, где формируются роли, нормы поведения, системы ожиданий и социальные практики. Детский опыт — это продукт системы воспитания, социальной структуры, экономической организации и мировоззренческих установок конкретного общества.

Структурализм и постструктурализм: детство как поле власти, дисциплины и неравенства

Антропологическая оптика убедительно продемонстрировала культурную изменчивость детства, тем самым разрушив представление о его универсальности. И вполне естественным становится вопрос «А какие социальные силы, структуры и механизмы формируют эти различающиеся культурные модели?»

В ответ на вопрос. В 1960–1980-е гг. в социологии формируется новое понимание детства, связанное с развитием концепций структурализма и постструкту-

рализма, где внимание исследователей смещается с описания культурных форм на анализ систем власти и дисциплины, в которых эти формы возникают. В данной парадигме детство рассматривается как социально регулируемое пространство, где распределяются ресурсы, формы контроля и возможности субъективации.

Одним из наиболее влиятельных мыслителей, определивших основные положения структурализма, является М. Фуко. Его основная идея заключается в том, что общество модерна организует жизнь индивидов с помощью дисциплинарных механизмов, нормирующих тело, поведение и желания. И эти взгляды оказываются весьма продуктивными в части анализа основных социальных институтов детства: семьи и школы. Школа в фукодианской оптике предстает как один из ключевых дисциплинарных институтов, где ребенок помещается в пространство непрерывного наблюдения, нормирования и оценки. Здесь формируются поведенческие шаблоны, режимы телесности, «правильные» правила и нормы послушания. Другими словами, детство рассматривается как один из этапов жизни человека, где имеет место интенсивное воздействие дисциплинарности и власти, производящей «послушное тело» (*corps docile*) [10].

Если фукодианский анализ позволяет увидеть детство как пространство действия дисциплинарной власти и производства «нормального» субъекта, то в работах П. Бурдьё показано, как эти механизмы укоренены в более широких структурах социального пространства.

В трактовке П. Бурдьё образовательная система не является нейтральным механизмом передачи знаний, а служит инструментом воспроизводства социального неравенства. Так, им отмечается, что у детей и подростков из разных социальных классов жизненные траектории определяются объемом культурного капитала, стилями воспитания, практиками досуга и доминирующими в семье схемами восприятия (*habitus*) [3]. В этой логике детство становится пространством структурного неравенства, в котором одни группы имеют доступ к ресурсам, повышающим образовательные шансы, а другие сталкиваются в данном отношении с невидимыми барьерами.

Таким образом, формируется социальная предрасположенность к определенным образовательным и профессиональным траекториям. Это дает основание трактовать детство как точку, в которой механизмы воспроизводства социального неравенства наиболее заметны и эффективны.

Структурализм и постструктурализм сформировали новое аналитическое понимание детства. Теперь оно становится узловой точкой отношений власти, местом наложения институциональных ограничений и социально структурированных возможностей.

Новая социология детства: ребенок как актер в структуре социальных взаимодействий

В дальнейшем (1980–2000-е гг.) эти идеи послужили основой для формирования нового исследовательского направления, получившего название «новая социология детства» (*new sociology of childhood*). Появление этого подхода стало важным поворотным моментом в развитии «детского» научного дискурса, поскольку он обозначил переход от представлений о детстве в качестве подчинен-

ной стадии взросления к признанию его особого социального статуса, обладающего самостоятельной ценностью и значимостью.

Так, в работах А. Праута и Э. Джеймс были сформулированы базовые положения нового подхода, в центре которого два принципа:

1. Детство — социальная конструкция, возникающая в результате взаимодействия культурных систем, дискурсов, институтов, норм, практик и властных отношений.

2. Дети — полноценные социальные акторы, наделенные агентностью и способностью участвовать в создании, интерпретации и трансформации социальных смыслов [14].

Эти положения стали теоретическим прорывом, поскольку впервые выводили детство из сферы «биологической неизбежности» и институциональной дисциплины и представляли его как самостоятельный социальный мир, обладающий внутренней логикой, формами коммуникации, нормами, ритуалами, типами участия и культурными кодами.

Важное место в новой социологии детства занимает идея детской агентности (child agency). В отличие от классических моделей социализации, где ребенок предстает объектом воздействия, здесь утверждается, что дети активно участвуют в создании социальных практик, значений и структур. Они не просто усваивают правила взрослого мира, но интерпретируют, переосмысливают, адаптируют и даже оспаривают их.

В повседневном взаимодействии со сверстниками и взрослыми дети конструируют собственные культурные пространства, обладающие относительной автономией. Эта линия наиболее полно представлена в работах У. Корсаро, предложившего концепцию интерпретативного воспроизводства (interpretive reproduction), суть которой заключается в том, что дети трансформируют культурные значения, создавая уникальные детские версии социальной реальности [12].

Развитие идеи детства как структурной категории, но в русле новой социологии детства получило продолжение в трудах Й. Квортрупа. Согласно его позиции, детство представляет собой устойчивую социальную форму, занимающую специфическое место в социальной структуре. Й. Квортруп подчеркивает, что дети — это специфическая социальная группа, обладающая собственными интересами и закономерностями включения в общество, которые невозможно свести к интересам семьи или взрослых [15].

Таким образом, новая социология детства сформировала комплексное представление о нем, включающее следующие основные положения: детство как социальная конструкция, зависящая от культуры и институтов; дети как действующие субъекты, а не только объекты социализации; детство как политическая, культурная и структурная категория, встроенная в отношения власти; детство как пространство повседневных практик, требующее изучения «изнутри»; принцип включенности детей в исследование, переход от «исследований о детях» к «исследованиям с детьми».

Пространственный поворот в исследованиях детства

Логичным продолжением трансформации исследовательской оптики стал пространственный поворот (spatial turn), который в настоящее время оформился

в самостоятельную научную традицию. Он привнес в изучение детства территориально, инфраструктурно и географически ориентированную перспективу, позволив рассматривать детство не только как культурно-социальную конструкцию, но и как повседневную практику, встроенную в конкретные пространства, созданные и регулируемые социальными отношениями.

Пространственный поворот в современной социологии детства во многом опирается на идеи А. Лефевра, предложившего рассматривать пространство как социальный конструкт. В данном ключе пространство создается в результате взаимодействия пространственных практик, репрезентаций пространства и пространств репрезентации [5].

В дальнейшем эти идеи получили развитие в работах Д. Харви, где наглядно продемонстрировано, что пространство неизбежно формируется экономическими интересами, логикой капиталистического развития и урбанизационными процессами [11]. Введенные им в научный оборот понятия «пространственное неравенство» и «пространственная справедливость» позволяют увидеть, что различия в качестве городской среды, плотности инфраструктуры, доступности сервисов или безопасности района прямо влияют на особенности детского опыта. Детство в депрессивном поселке, в сельской местности, перегруженных мегаполисах или в благополучных кварталах формируется по-разному не только культурно, но и пространственно. Дефицит инфраструктуры — дорог, школ, кружков, досуговых пространств, безопасных маршрутов и т. п. — ограничивает мобильность детей, снижает их автономию и уменьшает спектр возможных жизненных траекторий, что делает пространство важнейшим фактором воспроизводства социальных различий.

Особый вклад в пространственные исследования детства внес Э. Соджа. Он рассматривает пространство как гибридную сферу, в которой переплетаются материальные условия, социальные отношения и символические переживания индивидов [17]. Такой подход позволяет анализировать детство в многослойной перспективе: дети одновременно живут в физическом пространстве (дом, школа, двор), социальном пространстве (режимы контроля, правила, нормы) и символическом пространстве (личные страхи и привязанности, «любимые» и «чужие» места, эмоциональные карты территории). Исследователи, работающие в этой логике (Т. Скелтон, Дж. Валентайн, С. Холлоуэй), активно используют методы визуализации и картирования для реконструкции детских пространств, фиксируя, каким образом дети переживают, присваивают и переопределяют окружающую среду [13; 16].

В целом пространственный поворот существенно расширил теоретические горизонты исследования детства, показав, что детский опыт формируется под влиянием не только институциональных и культурных условий, но и определяется конкретной пространственной организацией повседневной жизни. Он позволяет рассматривать детство как многоуровневое социально-пространственное образование, в котором пересекаются материальные условия, властные режимы, инфраструктурные возможности и субъективные переживания детей. Тем самым пространство становится не фоном, а ключевым ресурсом и одновременно ограничением в формировании детских практик, траекторий и форм участия в социальной жизни.

Заклучение

Теоретическое осмысление детства прошло достаточно долгий путь — от его понимания как этапа социализации с точки зрения классических концепций до признания детей активными субъектами и участниками социальных взаимодействий в рамках новой социологии детства. Дополнение этой оптики идеями символического интеракционизма, культурной антропологии, структурализма и постструктурализма позволяет характеризовать детство как культурно обусловленный и политически структурированный опыт. Пространственный поворот стал логичным развитием данных теоретических трансформаций, подчеркнув, что детство всегда укоренено в конкретных территориальных и инфраструктурных конфигурациях. В результате детство предстает как многомерный социально-пространственный феномен, формируемый на пересечении агентности детей, культурных кодов и материальных условий. Такой комплексный подход открывает новые возможности для исследований, ориентированных на конструирование условий жизни детей и выявление структурных факторов, влияющих на их благополучие.

Литература

1. Бенедикт Р. Модели культуры / перевод с английского А. К. Данильченко; вступительное слово Ф. Боаса; предисловие М. Мид. Москва: Альма-Матер, 2023. 316 с.
2. Блумер Г. Символический интеракционизм: перспектива и метод / перевод с английского А. Корбута; предисловие Р. Пруса. Москва: Элементарные формы, 2017. 344 с.
3. Бурдые П., Пассрон Ж.-К. Воспроизводство. Элементы теории системы образования. Москва: Просвещение, 2007. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/5415#contents> (дата обращения: 19.11.2025).
4. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение; переводчик А. Б. Гофман. Москва: Юрайт, 2025. 307 с.
5. Лефевр А. Производство пространства / перевод с французского. Москва: Strelka Press, 2015. 432 с.
6. Мид Дж. Г. Разум, Я и общество // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. Сер. 11. Социология. 1997. № 4. С. 162–195. URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/pYGwe-eB6Azw-c4gWnOreTco9u8FKCZYFUOSqigSJYG-4hzbwKDIQVwOqWnw1qntfkvs2he85XeHC1QgybAlvIvgtDNGWVumrtPFewZSfQoccp8Y1YaInQ/1934_Mid_Dzh_G_Razum_Ya_i_obschestvo_glavy_i.pdf (дата обращения: 18.12.2025).
7. Мид М. Взросление на Самоа // Культура и мир детства. Избранные произведения / перевод с английского и комментарии Ю. А. Асеева; послесловие И. С. Кона. Москва: Наука, 1988. С. 88–171. URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/41Ghkdvfs4mj0Cjhw5f3GjKZo3HPQEUtXoWoVwtW3ySuRrB8M32U11MafZVm0CneR5qhbZ-X9yk4HR68FdN6jVmHvmDwbsTX9ZfArE3o2jWP7z8STh_4rQ/Margaret_Mid_-_Kultura_i_mir_detstva-Nauka_1988.pdf (дата обращения: 18.12.2025).
8. Мид М. Как растут на Новой Гвинее // Культура и мир детства. Избранные произведения / перевод с английского и комментарии Ю. А. Асеева; послесловие И. С. Кона. Москва: Наука, 1988. С. 172–232. URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/41Ghkdvfs4mj0Cjhw5f3GjKZo3HPQEUtXoWoVwtW3ySuRrB8M32U11MafZVm0CneR5qhbZ-X9yk4HR68FdN6jVmHvmDwbsTX9ZfArE3o2jWP7z8STh_4rQ/Margaret_Mid_-_Kultura_i_mir_detstva-Nauka_1988.pdf (дата обращения: 18.12.2025).
9. Парсонс Т. Социальная система // Американская социологическая мысль. Москва: Изд-во МГУ, 1994. С. 420–431.

10. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / перевод с французского В. Наумова; под редакцией И. Борисовой. Москва: Ad Marginem, 1999. 480 с. URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/BRIF0_g4nAAAd1YbUMBiS1_M3sOw5FbILh3uFS1yLF580z9wAUV6R4YhDvniUb4QLE1FRBNP-1BQ22VeBoWEkAzAlv0khSqvfTqfsPZZU9bEt0RVr12gopg/1999_Mishel_Fuko_Nadzirat_i_nakazyvat_Rozhdenie_tyurmy.pdf (дата обращения: 19.12.2023).

11. Харви Д. Состояние постмодерна: исследование истоков культурных изменений / перевод с английского Н. Проценко; под редакцией А. Павлова. Москва: Изд-во Высшей школы экономики, 2021. 576 с.

12. Corsaro W. A. *The Sociology of Childhood*. Calif.: SAGE Publications, Inc, 2015. Available at: https://sk.sagepub.com/book/mono/the-sociology-of-childhood-fourth-edition/toc?utm_source=researchgate.net&medium=article#_ (accessed: 19.11.2025).

13. Holloway S., Valentine G. *Children's Geographies: Playing, Living, Learning*. London; New York: Routledge, 2000. 275 p. Available at: <https://archive.org/details/childrensgeograp0000unse> (accessed: 20.12.2025).

14. Prout A., James A. *A New Paradigm for the Sociology of Childhood? Provenance, Promise and Problems // Constructing and Reconstructing Childhood*. London: Routledge, 1997. Available at: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9781315745008-4/new-paradigm-sociology-childhood-alan-prout-allison-james?context=ubx&refId=189eef12-0a65-4813-9e18-fca85d2de227> (accessed: 19.12.2025).

15. Qvortrup J. *Sociology: Societal Structure, Development of Childhood and the Well-Being of Children. Handbook of Child Well-Being. Theories, Methods and Policies in Global Perspective*. 2014; 2. Springer: 663–707. Available at: https://www.researchgate.net/publication/322734778_Sociology_Societal_structure_development_of_childhood_and_the_well-being_of_children (accessed: 19.12.2025).

16. Skelton T., Valentine G. *Cool Places: Geographies of Youth Cultures*. London; New York: Routledge, 1998. 383 p. Available at: <https://archive.org/details/coolplacesgeogra0000unse> (accessed: 20.11.2025).

17. Soja E. W. *Seeking Spatial Justice*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2010. 280 p. Available at: https://openlibrary.org/books/OL23988745M/Seeking_spatial_justice (accessed: 20.12.2025).

Статья поступила в редакцию 16.02.2026; одобрена после рецензирования 27.02.2026; принята к публикации 02.04.2026.

Sociological Interpretations of Childhood: From Object to Agency

Anna V. Vinokurova

Cand. Sci. (Sociol.), A/Prof.
vinokurova.av@dvfu.ru

Elena Yu. Kostina

Cand. Sci. (Sociol.), A/Prof.
kostina.eyu@dvfu.ru

Far Eastern Federal University

FEFU Campus, 10 Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok, 690922, Russia

Abstract. The article provides an overview of key theoretical and methodological approaches to the study of childhood. Interpretations of childhood within the frameworks of structural functionalism, symbolic interactionism, and cultural anthropology are examined,

where childhood is understood as a stage of socialization, an interactive practice, and a culturally variable experience. Particular attention is given to the contribution of structuralism and post-structuralism, which conceptualize childhood as a space of power, discipline, and the reproduction of social inequality. It is shown that within the new sociology of childhood, childhood is viewed as an autonomous social world, while children are considered social actors endowed with agency. A separate section addresses the spatial turn, within which childhood is interpreted as a socially and territorially organized practice embedded in specific infrastructural and symbolic configurations. It is concluded that a comprehensive analysis of childhood as a social phenomenon is necessary in order to identify structural factors determining the living conditions and well-being of the younger generation.

Keywords: childhood, sociology of childhood, socialization, social space, social inequality, child agency, social worlds of childhood.

Acknowledgments

The research was carried out within the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education FEFU FZNS-2023-0032 – Social space of the childhood wellbeing: A comprehensive analysis.

For citation

Vinokurova A. V., Kostina E. Yu. Sociological Interpretations of Childhood: From Object to Agency. *Oriental Vector: History, Society, State*. 2026; 1: 3–12 (In Russ.)

The article was submitted 16.02.2026; approved after review 27.02.2026; accepted for publication 02.04.2026.